

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ¹

Пётр А. Сафронов²

Abstract

What do we know about space? We know that it is a homogenous infinite unity. And that it is not only a scientific statement but also a matter of political dominance. Physical homogeneity produces social heterogeneity and inequality. How can we re-invent and re-appropriate space in a non-colonial way? That is the main topic of the article. I'd like to scrutinize contemporary art and environmental movements in order to understand how to get an experience of liberation of space in a collective action.

Keywords: experience, contemporary art, ecological movements, community.

Существовало ли пространство до Декарта, Галилея, Ньютона? Если мы понимаем под этим однородное единство, существующее одинаковым образом везде и простирающееся без ограничений по всем направлениям, то до наступления Нового времени пространства не существовало. И если оно не существовало, то его требовалось изобрести³. Концептуальное изменение шло здесь рука об руку с изменением политическим: молодые государства Старого Света нуждались в обеспечении эффективного доступа к новым территориям. Идея однородного пространства служила, в сущности, концептуальной проекцией для формирования образной подпитки политического господства метрополий.⁴ Возникает парадоксальная ситуация: однородность физического пространства в данном случае только усили-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских учёных и ведущих научных школ МД-140.2010.6 «Справедливость в сфере принятия экологически значимых решений: теоретические основания и практические контексты».

² Пётр Александрович Сафронов – кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; приглашённый преподаватель факультета государственного управления Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (г. Москва, Российская Федерация). Как именно происходило такое «изобретение» пространства, показал в своих работах А. Койре; см., напр.: Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной Вселенной*. М.: Логос, 2001.

⁴ См., напр.: Zarobell J. *Empire of Landscape: Space and Ideology in French Colonial Algeria*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

вает неоднородность пространства социального, политического, культурного, создавая необходимую для управления асимметрию потенциалов. Указанный разрыв в категориальной структуре пространственных представлений производит основополагающее условие для создания и поддержания колониальной системы. Физическое пространство, как оно мыслится новоевропейской наукой, оказывается универсальной метафорой, создающей удобное окно контакта с многообразной социальной реальностью колоний. Научное знание о пространстве становится инструментом власти ещё до того, как оно начинает непосредственно применяться на практике, уже в силу заложенных в его основании методологических принципов.

Следовательно, когда в современную (читай – научную) эпоху говорят о пространстве, то всегда затрагивают этот парадокс, соединяющий метрическую однородность физического пространства с позиционной неоднородностью социального пространства. Тождество положений в физическом пространстве создаёт и поддерживает различие социальных позиций. Возможность сполна использовать однородность физического пространства, свободно перемещаясь по миру, оказывается при этом достоянием относительно небольшого числа представителей привилегированных слоёв, тогда как значительная часть населения фактически замкнута в пределах своего района, города или населённого пункта.⁵ Иначе говоря, однородность физического пространства претерпевает структурную дифференциацию, сужаясь, в одном случае, до масштаба улицы или района и расширяясь – в другом – до масштаба всего мира. Речь, таким образом, идёт о характере реального опыта пространства, который имеют или могут иметь представители той или иной социальной группы или страты. Наличие или отсутствие переживаемой в опыте связи с определённым местом, а также тип этой связи зачастую становятся индикаторами социального неравенства.⁶ Топологическая проблематика тесно соприкасается здесь с проблематикой социальной *справедливости*.

Реорганизация и/или переучреждение опыта пространства с целью развития начал социальной справедливости представляет собой сложный вопрос социальной теории и социальной практики. Решение этого вопроса неотделимо от понимания динамического, пронизываемого характера самой оппозиции физического/социального применительно к пространству. Следует избегать как утопиче-

⁵ Так, например, по данным британских социологов, собранным в 1990-е гг., на рабочих окраинах Лондона живут молодые люди, никогда не покидавшие своего района и не видевшие достопримечательностей собственного города; см.: O'Byrne D. Working class Culture: Local Community and Global Conditions // J. Eade (ed.) *Living the Global City: Globalization as Local Process*. London: Routledge, 1993.

⁶ Day G. *Community and Everyday Life*. London: Routledge, 2006. P. 182–186. О значении категории места в смысловой конституции пространства см.: Филиппов А.Ф. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 195 и далее.

ского требования непосредственного снятия социальных различий в заново обретенном (сверх)физическом единстве (идея ноосферы В.И. Вернадского)⁷, так и иллюзорно радикальной объективации различий, направленной на критическое вскрытие механизма их порождения (социоанализ П. Бурдые). На мой взгляд, существует ещё один способ осмысления соотношения физического и социального пространств, способ задания новой социальной топологии, воплощённый в таких практиках, как современное искусство и экологический активизм. Для них свойственно принципиально новаторское использование топологических структур, при котором создание/сознание неоднородности на уровне физического пространства оказывается в состоянии создавать и поддерживать спонтанную социальную однородность в форме *сообщества*.

В практиках современных художников и экологических активистов происходит постоянное формирование выделенной, хотя и не имеющей точных границ, зоны социальной *солидарности*, возникающей благодаря совершению коллективных действий, во многом основанных на продуманном использовании специфических пространственных условий, в которых осуществляются эти действия. В признании и защите множественности мест – занимаемых, посещаемых слишком часто, отсутствующих, создаваемых, заброшенных – прорастает корень социального сотрудничества, не продиктованного какой бы то ни было априорно схваченной или предписанной нормативностью. Не существует некоего обязательства, требующего действовать именно так, а не иначе. Скорее наоборот: есть обязательства, требующие не действовать так. Здесь, как в любом разговоре о свободе, есть оттенок неуместного морализаторства. Необходимо подчеркнуть, что борьба с разрушительными последствиями властного использования однородности пространства не осуществляется изнутри, путём имманентного доведения логики этой однородности до абсурдного предела.⁸ Напротив, эмансипирующий потенциал той социальной топологии, которая исподволь формируется в коллективных эстетических или экологических практиках, основан на обостренном чувстве локального, частного, отдельного. Переживание локального порождается и концентрируется в *опыте действующих сообществ*, занимающихся *простым* предъявлением, *показом* средствами физического пространства тех или иных социальных проблем. Соответственно, в нашу эпоху создание нового локуса физического пространства оказывается в состоянии реально содействовать трансформации

⁷ Комплекс утопических представлений, связанных, в том числе, с проблемой переустройства пространства, на материале русской культуры проанализирован Б.Ф. Егоровым; см.: Егоров Б.Ф. *Российские утопии. Исторический путеводитель*. СПб.: Искусство-СПб., 2007.

⁸ Пример тактики такого рода можно обнаружить в труде А. Негри и М. Хардта под лапидарным названием *Империя* (М.: Праксис, 2004). Однако это именно тактика, которой не суждено подняться до уровня стратегии.

горизонтов социального существования, открывая одновременно возможности для получения нового типа опыта.

Деятельность многих современных арт-групп непосредственно связана с присвоением и переприсвоением публичного пространства в городе. Так, например, участник московско-петербургской группы «Что делать» художник Дмитрий Виленский осенью 2010-го реализует в Санкт-Петербурге в рамках инициативы Уличного университета цикл дискуссий под общим названием «Архитектура общественной среды».⁹ Деятельность Виленского и его коллег направлена на непосредственное освоение городской среды. Обживание пространства происходит благодаря тем или иным акциям (открытые обсуждения, лекции, уличные выставки, пантомима, граффити на мостовых и публичных сооружениях), общим моментом которых является высвобождение занимаемого активистами пространства из рутины повседневности в процессе прямого действия. Волевым учреждением совместности в условиях, когда публичность оттесняется в торговые центры, становится важной эстетической задачей. Коллективное эстетическое действие расшатывает комфортабельность привычных способов восприятия окружающего мира. Новое сознание пространства возникает благодаря последовательному нарушению единства места и действия.

Результативность художественного акта обеспечивается тем, что он обращается напрямую к пространству, как если бы оно не было уже предварительно захвачено течением жизни. Таким образом в совершаемом коллективном действии происходит открытие пространства *как оно есть само по себе*, как если бы в нём не было ничего, кроме него самого, свободного, среди прочего, и от избыточного этического пафоса. В фильме испанского режиссёра Ачеро Маньяса «Ноябрь» (2003) показывается, каким образом эта задача может решаться средствами уличного театра. Разыгрывая непосредственно в уличном пространстве сюрреалистические сценки, участники уличного театра создают источник беспокойства для горожан-зрителей, проблематизируют восприятие городского пространства, их топологические интуиции¹⁰, исходящие из чёткого разделения приемлемого и неприемлемого. Имплицитная ло-

⁹ Развитие инициатив Уличного университета подробно отображается в блоге этого сообщества (см.: <http://community.livejournal.com/newstreetuniver>). См. также сайты: Уличного университета (<http://www.streetuniver.narod.ru/>) и группы «Что делать» (<http://www.chtodelat.org/>). Интересно отметить, что антропологическое измерение архитектуры стало темой XII Венецианской архитектурной биеннале, проходившей с 29 августа по 21 ноября 2010 г.; см. сайт биеннале: <http://www.labiennale.org/en/Home.html>.

¹⁰ О топологической проблематике в практиках современного искусства также см.: Гройс Б. Топология современного искусства // *Художественный журнал*. 2006. № 61/62 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/61-62/topologia/> Дата доступа: 29.09.2010 г.

гика скрытых форм территориального производства¹¹ неожиданно выносятся на первый план и обнаруживает свою условность и/или несостоятельность. Нарушение формального единства пространственной среды призвано обеспечить возможности для создания содержательного единства людей, организованного посредством непосредственного со-общения эмоций и мыслей. Это позволяет избежать ситуации, когда социальные взаимодействия оказываются редуцированными к случайным эффектам некоторой заданной по умолчанию пространственной конфигурации.

Учреждающие новую социальную топологию практики реализуются как бы в *порах* существующих структур и институций, сопрягая международное общественное мнение с имеющимися локальными проблемами. В результате возникает кумулятивный эффект своеобразной «горизонтальной глобальности», основанной на деятельности транснациональных сетевых сообществ, которые объединяют, в том числе, и таких людей, непосредственная мобильность которых по тем или иным причинам затруднена.¹² Деятельность сообществ способствует мгновенному распространению мнений отдельных лиц за счёт электронных средств коммуникации и одновременно выступает как индикатор значимости тех или иных тем в мировом масштабе. Учитывая ограниченные возможности национальных государств контролировать виртуальные взаимодействия, а также неблагоприятное воздействие сведений о загрязнении окружающей среды на имидж отдельных стран, распространяющие такую информацию глобальные экологические сообщества становятся реальными участниками международной политики, успешно действуя при этом внутри локальных контекстов.

Социальное значение экологического активизма определяется его прямым участием в артикуляции *неравенства* населения различных регионов мира в отношении доступа к экологическим благам, возможностям для полноценного развития человеческого потенциала и участия в принятии управленческих решений, предполагающих воздействие на окружающую среду.¹³ Глубокое осознание и постоянно поддерживаемое обсуждение актуального неравенства влечёт за собой вопрос об экологической *справедливости* не только в смысле условий более или менее равномерного распределения экологических выгод и потерь в глобальном масштабе, но и в смысле признания значения экологической составляющей в пространственной организации существования каждого отдельного

¹¹ О структуре форм территориального производства и их типологии см.: Kärholm M. A Conceptual Discussion of Territoriality, Materiality, and the Everyday Life of Public Space // *Space and Culture*. 2007. Vol. 10, № 4. P. 441–443.

¹² Sassen S. *Neither Global nor National: the World's Third Spaces*. Stockholm: Södertörn, 2009.

¹³ См., напр.: Bullard R. (ed.) *The Quest for Environmental Justice: Human Rights and the Politics of Pollution*. San-Francisco, CA: Sierra Club Books, 2005.

сообщества.¹⁴ Защита экологической справедливости оказывается тесно переплетена с осознанием и (вос)производством роли сообщества как *субъекта* коллективного политического и социального действия.

Потенциальный и актуальный плюрализм стратегий (само)реализации сообщества позволяет акцентировать внимание на принципиальной множественности способов борьбы за экологические права граждан. С точки зрения экологического активизма сообщество можно рассматривать как форму устойчивой коллективной идентификации группы людей, связанных деятельностью по отстаиванию локальных экологических прав и поддерживающих её за счёт глобальной коммуникативной *инфраструктуры*. В свою очередь, публично артикулированная апелляция к экологической справедливости оказывается для проживающих в конкретном регионе индивидов мощным средством кристаллизации отчётливого сознания принадлежности к глобальному сообществу людей, испытывающих явные или скрытые ограничения своих прав.¹⁵ Тем самым включение в коллективную деятельность сообщества непосредственно меняет пространственный горизонт личности, позволяет ей иначе увидеть своё *место* в мире.

Характерной приметой описываемых здесь способов коллективного действия является единство теоретических и практических аспектов. Ядром значительного числа исследовательских предприятий становится стремление утверждать и развивать *субъектность локальных сообществ*. Процесс формирования теоретических конструкций смыкается с практической активистской деятельностью в рамках повседневной жизни, поскольку именно в рамках последней первоначально возникает специфическая связь человека с пространством. Организующее коллективные действия сообщество выступает при этом как посредник в коммуникации между личностью, которая испытывает неравенство или депривацию в своём опыте пространственных отношений, и широкой общественностью.¹⁶ Сообщество аккумулирует «биографическую» информацию и возводит её в ранг совместно признанного *знания*, могущего служить *ресурсом* для дальнейших действий. То, что на уровне отдельного человека может выступать как частная проблема, многократно усиливается на уровне сообщества и приобретает масштаб социально значимого институционального дефекта или стратегической ошибки.

Критериальным условием развития новой социальной топологии является безоговорочное признание перспективы *Другого*

¹⁴ Это, в числе прочего, хорошо продемонстрировала борьба – увы, не увенчавшаяся полной победой – защитников Химкинского леса в Подмосковье летом 2010 года; см. сайт инициативной группы <http://ecmo.ru>.

¹⁵ Schlosberg D. *Defining Environmental Justice: Theories, Movements, and Nature*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 73.

¹⁶ Szasz A. *EcoPopulism: Toxic Waste and the Movement for Environmental Justice*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1994.

(человеческого и не-человеческого), размыкающего устойчивый горизонт опыта. Освобождение пространства приобретает характер фундаментального эпистемологического требования, сосредоточенного на преодолении (пост)колониального типизирующего отношения к формам пространственной организации социума и природы. Углубление этого требования актуализирует идею множественной субъектности действия, лишённого «образца», что сопряжено с выявлением *сложности* как структурного свойства любых пространственных взаимодействий. При этом сложность как свойство взаимодействий мыслится не только и не столько как последовательная направленная дифференциация более или менее утончённых форм топологической организации, сколько как продуктивное обнаружение гетерогенности различных срезов реальности, не сводимых к исчерпывающему, полностью однородному единству. Сообщество поддерживается той *асимметрией участия*, которая спонтанно возникает и длится в резонансе между голосами, слышимыми из разных мест. Этот эффект случайного (но и необходимого) со-ответствия заставляет оценить эвристический потенциал социальной топологии.

Пространство в целом может и должно быть осмыслено как полноправный участник процессов коммуникативного взаимодействия в мире, дающий подчас неожиданный, но, тем не менее, релевантный происходящему *ответ*. Каждое сообщество вписывается в пространство, к которому необходимо относиться с соблюдением требований справедливости аналогичных тем, применяемых в отношении человеческих индивидов. Естественным объектом критики тогда неизбежно становится любое притязание установить дискурсивную монополию, легитимирующую и оформляющую некий единственно возможный и доступный способ обхождения с пространством. Сколь бы изощрённой и тонкой ни была такая монополия в действии, она, в конечном итоге, снова возвращает нас к колониальной логике однородного пространства, пусть даже устанавливаемой на тщательно охраняемой территории отдельно взятого инновационного города. Новая социальная топология имеет место только там, где освобождённое пространство становится полноправным участником очередного коллективного действия.